

«УНИКАЛЬНОЕ РУССКОЕ ПОНЯТИЕ»: ТОСКА В ПОЭЗИИ А. ГОРОДНИЦКОГО

На рубеже XX-XXI вв. все более привлекательным объектом философских, культурологических, лингвистических исследований становится человек во всей полноте его бытия — физического и духовного. Важнейшим способом познания человека является его язык, отражающий концептуальный образ мира. Язык есть «универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни» [Постовалова 1999: 30]. Представление о национальной специфике языковой концептуализации мира, отраженное еще в работах В. Гумбольдта, в настоящее время оказывается весьма актуальным. В современных лингвистических исследованиях, ведущихся на материале разных языков, отмечается, что значения многих лексических единиц включают в себя «лингвоспецифичные конфигурации идей» [Шмелев 2002: 12].

Важным источником материала для познания менталитета (и конкретной личности, и всего народа), понимаемого как «специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания» [Попова, Стернин 2003: 8], является художественный текст. Объект нашего внимания — поэтическое творчество Александра Городницкого. Классик жанра авторской песни, имя которого внесено в школьные хрестоматии [Авторская песня 1997], автор тридцати книг поэзии и мемуарной прозы, А. Городницкий проявляет себя как языковая личность, достойная глубокого и всестороннего исследования. Одной из важнейших тем творчества поэта является русская история, культура, особенности менталитета.

«В наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры», — писала А. Вежбицка, имея в виду *душу, судьбу и тоску* [Вежбицка 1996: 3]. Национальная специфичность характерна и для слова «тоска», не имеющего эквивалента в других языках, и для обозначаемого данным словом понятия. У Городницкого сама *русская душа* может быть охарактеризована посредством *тоски*. В стихотворениях, посвященных ставшим народными песням, воздействие этих песен на людей может обозначаться выражением «разбередить российскую тоску», весьма близким к «разбередить душу». Тоска оказывается неотъемлемым свойством русской души, величиной постоянной и как будто мало зависящей от конкретных обстоятельств. Так, в «Дельвиге» [Городницкий 1999] поэт указывает на типичность актуализации тоски в неподходящей, казалось бы, ситуации праздничного застолья.

Среди многочисленных чувств, эмоций, состояний человека, нашедших отражение в произведениях А. Городницкого, *тоске* принадлежит важное место. Частотность употребления данной лексики (свыше ста контекстов), разнообразие данных контекстов, наличие разных видов *тоски* и др. свидетельствуют о повышенном внимании поэта к данному чувству.

Содержание такого понятия с трудом поддается словарным определениям. В толковом словаре оно определяется следующим образом: 1. Душевная тревога, соединенная с грустью; уныние; 2. Скука. Понятия же, с помощью которых истолковывается значение слова «тоска», имеют следующие словарные значения: *тревога*: беспокойство, волнение (обычно в ожидании опасности или чего-то неизвестного); *грусть*: чувство уныния, легкой печали; *уныние*: безнадежная печаль, гнетущая скука; *ску-*

ка: 1. Тягостное душевное состояние, томление от отсутствия дела или интереса к окружающему; 2. Отсутствие веселья, занимательности, создающее тягостное настроение [Ожегов 1973]. Вполне справедливым представляется вывод Д. Н. Шмелева относительно того, что словарные определения «описывают душевные состояния, родственные тоске, но не тождественные ей... Тоска — это то, что испытывает человек, который чего-то хочет, но не знает точно, чего именно, и знает только, что это недостижимо. А когда объект тоски может быть точно установлен, это обычно что-то утраченное и сохранившееся лишь в смутных воспоминаниях: ср. тоска по родине, тоска по ушедшим годам молодости» [Шмелев 2002: 92]. С этим определением сходно толкование тоски в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»: «Неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он понимает, что желание невозможно» [НОСС 2004: 1165]. Автор данной словарной статьи Е. В. Урысон выделяет ряд смысловых признаков, отличающих тоску от других сходных чувств и состояний: интенсивность, глубина, длительность чувства (наличие этих признаков у тоски дает основание мыслить ее как состояние); степень неприятности чувства (у тоски — наибольшая в сравнении с унынием, грустью и др.) и т. д. [там же]. В текстах Городницкого тоска четко отграничивается и от тревоги, и от уныния, и от скуки. К примеру, если *тревога* у поэта может войти в сердце «на заячьих лапках» («Переделкино»), *уныние* относится скорее не к людям, а к предметам и явлениям внешнего мира (дом, звук и под.), то *тоска* проявляет себя совсем по-иному. Данные слова не являются у поэта взаимозаменяемыми, существуя в несходных контекстах.

В поэзии Городницкого представлены разные виды *тоски* — в зависимости от породившей ее причины, от ее объекта. В ряде случаев определение причины тоски затруднено; исток ее может быть скрыт от человека, а проявление — спонтанно, что побуждает героя задаваться риторическим вопросом, например: «Откуда берется такая тоска в человеке / При слове «навек»?» Типично для поэта представление о тоске как о постоянно живущей в душе — как отдельного человека, так и народа, и то или иное событие внешнего плана не привносит тоску извне, а лишь активизирует ее. В других случаях тоска обусловлена лишением героя того, что для него важно. В отдельных случаях это разлука с любимой женщиной, как, например, в стихотворение «Мой дом и бездомье, моя ненаглядная дама...». В большинстве же случаев это тоска по невозвратимому — «тоска по себе самому».

О характере *тоски* у поэта дают представления образные соответствия (парадигмы образов, метафорические модели), в которых обозначения тоски занимают позицию левого элемента (субъекта сопоставления).

В ряде контекстов (более трети общего объема реализаций) тоска проявляет себя как существо чаще всего сильное, агрессивное, выражающее враждебное отношение к человеку, а иногда и вступающее с ним в противоборство. В роли жертвы такого чувства обычно оказывается сам герой, констатирующий: «Тоска меня душил, ее не могу побороть» или «Немало боролись с тоскою», в отдельных случаях — иной страдающий персонаж, например, протопоп Аввакум: «Грудь мою тоска давит».

Человек оказывается для тоски объектом манипуляций. Отметим, что человеком у Городницкого могут управлять самые разные чувства, и наиболее агрессивно это управление осуществляют *страх* и *тоска*; последней, к примеру, свойственно выгонять человека за пределы освоенного пространства («Окна»). Тоска воздействует на человека и вербально, причем ее речь представляет собой измышления, а сама она выступает в роли обитателя души, не желающего этой душе добра. Так, в «Цирке шапито» прикосновение к давно прошедшему детству, погружение в дорогие воспоминания («И окликнет вас ласково мать, / и сгоревшее встанет жилье, / И подарит вам детство опять / Полотняное небо свое») возможны для человека в том случае, если он не поверит «наветам тоски» и заглушит «в душе шепоток».

Тоска оказывается и сродни болезни, которая в отдельных случаях диагностируется. Например, в стихотворении «В краю, где одиннадцать месяцев стужа...» тоска по юности определяется как «бред по раю, в котором живут другие, / А ты туда не вернешься, нет». «В каком-то смысле, — отмечает Д. Н. Шмелев, — всякая тоска могла бы быть метафорически представлена как тоска по небесному отечеству, по утерянному раю» [Шмелев 2002: 92]. В «Бессоннице» тоска, сочетающаяся с реальной сердечной болью, именуется стенокардией; стенокардия же, в свою очередь, оказывается тоскою. Однако чаще всего тоска как болезнь не получает конкретных характеристик. Эта болезнь оказывается хронической: отметим, что образ такой тоски имеет место практически во всех поэтических сборниках автора. Особым видом заболевания является ностальгия, неизлечимая в принципе: «Этой странной болезнью встревожен / Сквозь кордоны границ и таможен / не спеши к разведенным мостам / Век твой юный единожды прожит. / Не поможет тебе, не поможет / Возвращение к прежним местам».

В стихотворении «Этот край, навек запавший в сердце...» тоска оказывается тем, от чего можно *вкусить* — т. е. пищей для приходящих в Россию «иноверцев, иноземцев, инопланетян». Это своеобразное причащение лишено, однако, возвышенности: «тоска» оказывается в одном ряду со «злостью» и «юрдством».

Тоска имеет образные соответствия в разных областях мира, получая признаки земли, воды, воздуха, предметов, людей — плотность, прозрачность, цвет, локализацию, возможность действий и под. Тоска бывает вязкой, мутной, камуфляжной, гарнизонной, земной, щемящей, похмельной и т. д. Особо подчеркивает поэт объем чувства. Тоска оказывается большой, неоглядной: пребывая внутри человека, она способна заполнить его душу, «переполнить грудь»; находясь вне его, охватывает человека целиком.

В единичных случаях тоска обусловлена воздействием на человека чего-то приятного, например, музыки, под воздействием которой в душе воцаряется «сладкая тоска» или «тоска изысканных мелодий» (в то же время «тоска сиротской доли» в славянских песнях оказывается одной из причин, по которым «Песни западных славян / Не поют сегодня боле»). В целом же тоска выглядит чувством, от которого человек пытается спастись либо спиртным («Прочь тоску гоните вы, выпитые флаги»), либо переменой места. Однако такое спасение оказывается иллюзорным, поскольку тоска пребывает и снаружи, и внутри человека. Нельзя спастись и от тоски песни: «Не поют, а песня длится / И не видно ей конца».

Особо выделяет поэт *ностальгию*, образ которой повторяется в произведениях разных периодов творчества. Данное понятие получает в текстах Городницкого толкование, несколько отличное от словарного (тоска по родине); в одном из ранних стихотворений («Белой ночи колодец бездонный...») оно сформулировано следующим образом: «Ностальгия — тоска не по дому, / А тоска по себе самому». Осознаваемое поэтом различие *тоски* и *ностальгии* позволяет построить генитивную конструкцию «тоска ностальгии»: «И ностальгии мутная тоска / Сбивает факты, как коктейли миксер»; «Другие (поэты, кроме А. Кушнера. — Е. К.) во мне не вызывают ностальгии — / Туманную и вязкую тоску». Данное чувство представляет собой тоску не столько по пространству, сколько по времени, которое герой не может повернуть вспять: «Ностальгия — тоска по юности»; «Ностальгией поздней охвачен, / О своей задумавшись судьбе, / Вспоминаю реку Горбиачин, Вспоминаю реку Кулюмбе... / Никогда теперь уже не буду / В том незабываемом году». Как и собственно *тоска*, *ностальгия* определяется как болезненное состояние, например: «Чтобы сердце зазря не терзала Ностальгии настырная боль, / Имена ленинградских вокзалов / Повторяю себе, как пароль»; «Затуманенным ностальгией зреньем / Не то увидишь, на что глядел».

Являясь чувством всеобъемлющим и всепроникающим, живущим в душе человека, в его мыслях и песнях, тоска у Городницкого оказывается одним из средств объединения людей. В раннем стихотворении «Вспоминая Лермонтова» это участни-

ки кавказских войн: «Столько в Тереке смешалось / Крови и песка, / Что одна у всех усталость / И одна тоска / Породнила боль людская / Разные края, — / Ты чужую кровь пускаешь, / А течет своя». В «Бостоне» тоска — наряду с жизнью и смертью — объединяет представителей разных стран: «Разные мы созерцаем пейзажи / Из одного окна, / Объединенные общей тоскою, / Жизнью единою городской / И гробовой недалекой доскою, / Где будут разные письма».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авторская песня. Книга для ученика и учителя / Сост. В. И. Новиков. М., 1997.
2. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. Городницкий А. М. Перелетные ангелы. М., 1991.
4. Городницкий А. М. Стихи и песни. Избранное. СПб., 1999.
5. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (НОСС) / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1973.
7. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж, 2003.
8. Постовалова В. И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 25–33.
9. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю. М., 2002.

С. В. Мастерских, г. Тюмень

ЛЕКСИКА КОНЦЕПТА «ЖЕЛАНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящается смысловой структуре глаголов желания русского и английского языков. Актуальность темы заключена в исследовании концепта «желание» с целью сопоставления глагольных лексем двух языков. Поскольку глаголы концепта «желание» не подвергались обстоятельному парадигматическому и синтагматическому анализу, исследование представляется важным и современным.

Лексика желания, как и другие языковые средства, принимает непосредственное участие в формировании языковой картины мира.

Необходимо рассмотреть сущность понятия «желание». С точки зрения психологии выражение «хотеть» означает испытывать некоторую потребность. «Первая предпосылка всякой деятельности — субъект, обладающий потребностями» [Леонтьев 1984: 162]. Наличие потребностей — такое же главное условие существования человека, как обмен веществ. Человек живет за счет удовлетворения ряда потребностей. Это может быть «нужда в чем-либо необходимом для поддержания жизнедеятельности организма» либо «это внутренний побудитель активности» [КСС 1984: 245].

В зависимости от того, насколько осознаны те или иные потребности, их разделяют на влечение и *желание*. Желание — это знание того, что побуждает к действию. Прежде чем желание превратится в непосредственный мотив поведения, а затем в цель, оно оценивается человеком, который взвешивает все условия, помогающие и мешающие его осуществлению. Желание может быть различным по интенсивности: слабым или очень сильным, целенаправленным, не всегда реально исполнимым, сопровождающимся различными эмоциями. Следовательно, эмоции тесно связаны с потребностями.